

ИМЕНА Леся Курбаса, Микола Кулиша, Михаила Крушельницкого неотделимы от Харьковского театра имени Тараса Шевченко. Воинственно провозглашая новое, выдвигая свою эстетическую программу революционного искусства, шагали «через две ступеньки вверх» первые творцы украинского советского театра. И вот у шевченковцев — пятидесятилетие. И вот праздничные гастролы в Москве! В прошлом — буйный творческий размах, молодой максимализм, отсушения, срывы и удивительные, шагившие в наши дни открытия. Сегодня харьковский театр — академический! Звание обязывающее, да и не остыла еще громкая слава пройденного пути, запомнились «ренессансные» пятидесятые годы, когда коллективом руководил М. Крушельницкий.

Какие же они сегодня, шевченковцы?

В СПЕКТАКЛЕ «Комендантский час» (авторы пьесы Л. Галкин и В. Миллюха), посвященном харьковскому подполью в годы немецкой оккупации, пожалуй, с наибольшей силой сказались ансамблевые трудности, целостность замысла режиссера Г. Кононенко, художника С. Кузовкина, композитора Б. Яровинского. При том, что пьеса остается явлением локального литературного ряда, так сказать, «харьковской» (по характеру она близка документальной драме), в спектакле много живых образов. Тут и Иван Иванович — Л. Тарабариннов, и Сашко — В. Ткаченко, и Коваль — А. Сердюк, и Лемке — В. Серпков, и Лоренц — В. Мизиненко, и Ахунов — А. Алексенко.

ГАСТРОЛЫ открылись «Назаром Стодолей». Давно не шла в столице эта прекрасная пьеса-поэма Тараса Шевченко о рыцарях казанской волины, этой «широкой разгульной замашке русской природы». Играл харьковчане спектакль добротню, сдержанно, придерживаясь в основном бытовой манеры, редко поднимаясь до высот поэзии. Тихая пристань «традиций» (подчеркиваю, традиций в кавычках) заманивает актеров, мешая им глубоко вчитаться в пьесу, уводит от главного. И начинаешь думать, что и режиссер В. Божко, и художник Л. Братченко увидели в пьесе скорее мело-

драму, чем трагедию народной жизни, произведение остросоциальное, широкой общечеловеческой проблематики. Все будто в полном согласии с ремаркой: рушники, утварь, фляги, кубки, оружие, кривые сабли. Все аккуратно расставлено и развешано, все на месте, но нет семнадцатого века, его свирепого коварства, его высокой верности.

Внешне помпезны два главных его героя, Назар и Гнат, разукрашенные, бравые казаки, слишком

еще с гопаком. Просто сам по себе гопак, старательно отгнанванный на публику!

НОВЫЙ главный режиссер шевченковцев Б. Мешкин пошел по нелегкому пути, выбрав для своего режиссерского дебюта «Патетическую сонату» Микола Кулиша. Пьеса сложна структурно, ее ритмика, неожиданные эмоциональные перепады, калейдоскоп эпизодов, принцип больших монологов и перекрестных дуэтных сцен, как

дом. Но актер ведет нас к теме «поучительного революционного маршрута» интеллигента, нашедшего себя в конце концов в общем всенародном деле. В этом помогает Илько молодой рабочий Лука. В. Высовень играет его сильным, способным повести за собой.

Интересен в спектакле образ мягкого, доброго Авраама у Л. Тарабариннова, к концу спектакля обретающего гневную силу революционного борца. Искренна в роли его

драматичнее. Писателя Батуру село обожгло и колдовской красотой калиновой рощи, и неожиданно вспыхнувшим чувством к умной, тонкой Надежде, и неотвратимостью возвращения в город, и памятью прошлого, встречей с фронтовым другом Карпом Ветровым. Было бы интересно увидеть, как борется с нахлынувшим на него наваждением природы городской житель писатель Батура (Л. Тарабариннов), как берет себя в руки, чтобы не отнять судьбу у товарища, не «отбить» у него Надежду. В спектакле этих коллизий нет, разве что загадочно молчаливо любящий Надежду Карп (В. Мальяр) да безмятежно весел как-то уж слишком торопливо и бездумно влюбившийся в Василину художник Верба (В. Ивченко). Люди села, их духовный мир упрощены, не раскрыты в приметах того нового, что увидит еще много лет назад автор «Калиновое рощи».

Почему так случилось? Не торопится ли театр с выпуском премьер, не гонится ли за их количеством, пренебрегая точностью и тонкостью художнического анализа? Можно ли назвать среди пяти спектаклей, привезенных театром в Москву, программный, завершённый, художественно целостный? Трудно! А ведь в труппе много по-настоящему хороших, мыслящих актеров, недавно в нее вошла молодежь, занявшая заметное место в коллективе, много играют соратники Леся Курбаса А. Сердюк и Е. Бондаренко, представители славной когорты шевченковцев.

Легче всего сказать, что шевченковцы сегодня «на распутье». Но не затнулось ли это распутье, не пора ли талантливому коллективу поднимать о большей масштабности своей афиши. О спектаклях крупных, глубоких, значимых, достойных не только славного прошлого коллектива, но и современности. Гастролы — дело ответственное, особенно, если они проходят в столице нашей Родины. Кроме того, это всегда урок, урок плодотворный, открывающий новые перспективы. Хочется верить, что нынешняя встреча шевченковцев со зрителями столицы откроет перед харьковчанами живую творческую дорогу исканий.

Л. ЖУКОВА.

ГАСТРОЛИ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

ЗВАНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ

бы слитых с композицией бетховенской сонаты, требуют изобретательной, смелой, новаторской режиссуры.

Как звучит она в Театре имени Шевченко? Режиссеру многое удалось, отдельные сцены и динамичны, и точны. Точны в ряде образов актеры. Художник В. Краев, угадав авторский замысел, как бы снимает фасадную стену дома, и перед нами в разрезе жизнь разных социальных слоев. И вот обитатели дома сталкиваются, символизируя борющиеся силы революции и контрреволюции, сталкиваются не на жизнь, а на смерть, чтобы навсегда определить свое место в истории. Психологически-конкретные образы Микола Кулиша становятся в спектакле (к этому стремился и автор) историческим общением. В. Ивченко, играющий роль поэта и мечтателя Илько, живущего где-то на мансарде, вовлекает зрителя в романтический мир своего героя, влюбленного в некую «прекрасную даму» Марину. Из окон Марины несутся волшебные звуки Патетической сонаты, и Илько, завороченный, пишет свои «сонеты Петрарки». А идеал его, Марина (Л. Стилик играет ее жестокой, откровенной злодейкой, а не «мечтой»), — просто политический враг, опасный и циничный. Беспочвенные иллюзии, далекие от реальности действительности, делают Илько поначалу политическим слеп-

жены Насти, безответной, многотерпеливой труженицы, С. Чибисова. И еще, и еще актерские удаchi: Зинка — А. Свистунова, белохранец Андре — В. Мальяр, разгуданный мальчишка, кадетик Жорж — П. Шидлар, «испуганная» Анет — Р. Колосова. А вот Е. Бондаренко играет почему-то своего генерала Перощкого, этого воинствующего носителя идеи «единой, неделимой», не державшейся на ногах рамоликом. Вряд ли есть смысл снижать значение и такой вредной контрреволюционной нечисти, как отъявленный националист Стулай-Ступаненко, отец Марины. У П. Костюченко он порой кажется комической фигурой, а не опасным реакционером. Не выстроились в спектакле и массовые сцены: толпа, состоящая главным образом из дам с зонтиками, статична, безжизненна, не выражает духа мелкой, злобной, беснувшейся обывательщины.

В «Калиновое роще» Александр Корнейчука Б. Мешкин ищет поэзию деревенской жизни. В спектакле много песен, написанных композитором И. Шамо в интонациях народной мелодики (к слову сказать, они хорошо звучат). Но о чем он?

Приехали в село хорошие люди, писатель и художник, и встретились с хорошими людьми — колхозниками. В пьесе А. Корнейчука все не так просто, все значительнее,